

SHOW MUST GO ON:

ИЗ ДНЕВНИКА СТУДЕНЧЕСКОЙ ПОЛЕВОЙ ПРАКТИКИ 2017 г.

Запись в дневнике от 14 июля 2016 г.:

Позади очередная летняя студенческая практика в США. А я опять толком ничего про нее не написал. Дни, города, мили, задания – все летит мимо, только успевай тушить локальные пожары и раздавать текущие задания. Мигнул – и новый кемпинг. Только сел попить кофе – снова надо идти к автобусу. Только расслабился, и зычный голос Смирнягина: «Где Павлюк?!»

Хотел писать подробный дневник о каждом дне, но сразу стал отставать – сначала на три дня, потом на шесть, на десять. Даже завидно, что Леонид Викторович хотя бы периодически ночует в мотелях – там Интернет есть. Кто еще не читал его онлайн-дневник практики в фейсбуке? Исправьте это немедленно¹.

Дело, конечно, не в том, что у Леонида Викторовича было больше свободного времени, и не в том, что он ночевал в мотелях. Просто как руководитель практики он чувствовал ответственность перед родителями студентов: им было важно в режиме реального времени получать информацию о перемещениях и приключениях своих чад. Перед первокурсниками, которые только определялись с выбором кафедры. Перед самими студентами-протагонистами, которым будет интересно перечитать эти страницы через месяц, через год, через десять лет.

Июнь 2017 г. Мы снова едем на полевую студенческую практику в США. В шестой раз подряд. По маршруту, который мы с Леонидом Викторовичем разработали в октябре предыдущего года. Он был необычайно воодушевлен перспективой сделать практику в штатах Великих равнин. «Представляешь, я ведь не был еще в Дакотах! Наконец-то гору Рашмор увижу».

Увидеть Дакоты Леониду Викторовичу не удалось. Как не удалось снова увидеть штат Айова, где он «боролся за мир» в 1987 г. Или показать студентам Сент-Луис, о котором он написал ставшую уже классикой статью². А потому я писал подробный дневник каждого дня студенческой практики 2017 г. еще и для него.

Ниже отрывки из этого дневника.

- ¹ Полевой дневник студенческой практики 2016 г. на странице Л.В. Смирнягина, начиная с записи от 23 июня 2016 г. Режим доступа: <https://www.facebook.com/lsmirnagin/posts/10206975730651944> (дата обращения: 15.10.2017).
- ² Смирнягин Л.В. Город в страноведческой характеристике. Сент-Луис // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 18. Москва; Смоленск, 2009. С. 46–56.

20 июня 2017 г.

Северная Дакота — пустой степной штат. Вокруг поля пшеницы и пронзительное голубое небо, размалеванное перистыми облаками. Слово пейзаж голландских живописцев, где небо занимает четыре пятых картины, а земля плоская, как стол. Дакота, правда, не плоская. Шоссе американскими горками катит по холмам, с которых красиво спускаются огромные фуры. Напоминает австралийский Аутбэк, где гигантские автопоезда — единственная динамичная часть в остальном статичного пейзажа.

Редкое оживление — встречающиеся через каждые 10 миль плакаты, призывающие посетить Национальный музей бизонов, что у города Джеймстаун. Самая большая в мире статуя бизона, живые бизоны, атмосфера Дикого Запада, тонна развлечений для всей семьи.

Классическая американская «дорожная ловушка», прямо как ее описал Билл Брайсон в книге “Notes from a Big Country”³: «В любом месте можно было увидеть щит, на котором было написано что-то вроде “Посетите всемирно известную Атомную скалу — она действительно светится!.. Всего 162 мили!” Через несколько миль новая надпись гласила: “Испытайте силовое поле Атомной скалы... если осмелитесь! Всего 147 миль!”

Люди, которые устанавливали все эти щиты, настоящие гении, истинные маркетинговые гурзу нашей эпохи. Они знали наверняка — с точностью до мили — в какой момент детвора в машине сможет сломить упорное сопротивление отца посещению чего-либо, на что требуется тратить время и деньги».

Руководство не стало сопротивляться просьбам студентов познакомиться с примером локального маркетинга, и автобус свернул в холмы, к виднеющейся с интерстейта огромной бетонной статуе бизона.

Развлечение оказалось бесплатным. Помимо восьмиметровой статуи здесь действительно бродят живые бизоны. А еще целая улица в стиле Дикого Запада: от салуна и барбер-шопа до церкви. В салуне можно выпить, в кузнице сделать подкову — и везде купить сувениры. Милое развлечение для всей семьи, которое часто встречаешь в штатах Американского Запада. Китч, доведенный до успешной бизнес-модели.

Все для того, чтобы хоть как-то привлечь в городок проезжающие по хайвею машины. Везде плакаты «Поешьте в Джеймстауне», «Переночуйте в Джеймстауне» — город во многом выживает за счет этой нехитрой придумки.

Джеймстаун — не первая наша остановка в Северной Дакоте. Большую часть рабочего дня мы провели в крупнейшем городе штата, название которого знает каждый киноман, — Фарго.

Фарго находится ровно на границе Миннесоты и Северной Дакоты. Река Ред-Ривер (на ней, например, стоит еще и канадский Виннипег) отделяет дакотский Фарго от миннесотского Мурхеда. Но это не «повесть о двух городах»: Мурхед — просто пригород, даже скорее дополнительный городской район для Фарго. Сходить через речку можно ради норвежского культурного центра (в городе жителей норвежского происхождения даже больше, чем немецкого). Здесь копия деревянной церкви из норвежского города Вик (мы там были на практике 2009 г.) и драккар викингов в натуральную величину. Корабль построил в 1980 г. местный энтузиаст, а его дети даже сплавали на нем из Нью-Йорка в Берген в 1982 г.

Сам же Фарго — средних размеров город (около 150 тыс. человек) совсем без высотных зданий. На вид скорее западный, чем среднезападный. Центральная улица без затей названа Бродвеем. К ней прилепились ресторанчики различных этнических кухонь, парочка баров, магазины антиквариата и какое-то подобие молла. Квартал центрирует визитная карточка го-

³ В русском переводе, опубликованном издательством «Эксмо» в 2009 г., книга называется «Страна Дяди Сэма. Привет, Америка!»

рода — кинотеатр с винтажной табличкой «Фарго». Это динозавр из золотого века Голливуда. Таких больше не делают, а в большинстве городов снесли в конце XX в.

Южный край Бродвея перерезает железная дорога. Фарго и был основан в конце XIX в. как остановка на строящейся железной дороге. До сих пор через центр города идут товарняки на сто с лишним вагонов и цистерн, минут на пять отрезая одну часть города от другой.

На север по Бродвею расположен главный работодатель города — госпиталь «Сэндфорд». Далее идет тихий жилой район частных вилл с ухоженными фасадами, красивыми крылечками и ленивой атмосферой благополучной Америки. В паре километров на запад — второй по значению работодатель города и гордость всего штата: Университет Северной Дакоты. Фарго — консервативный город, здесь победил Трамп, но студенческая жизнь тут активная.

Мы распустили студентов не только на традиционные опросы населения и визуальный осмотр разных частей города, но и на глубинные интервью. У каждого свое задание: сходить в газету, библиотеку, музей и университет Фарго или Мурхеда, найти спикера и разговорить его на интересующий нас ряд тем по городу и региону.

Ребята вернулись в приподнятом настроении. Респонденты оказались словоохотливыми людьми и патриотами своего города. Фарго кажется захолустьем, но на деле активно развивается. В городе процветает IT-кластер, увеличивается население⁴.

21 июня 2017 г.

Выехать в Северную Дакоту после Центральной Миннесоты — это как из Житомирской области сразу попасть в Северную Монголию. Расчлененный эрозией холмистый рельеф. Дорога, серебряными волнами уходящая за горизонт. Пуантилизм Великих равнин: бледно-зеленые пастбища с сотнями черных точек коров мясной ангусской породы. Не упорядоченность, но простор, по которому надо не ехать на тракторе «Джон Дир», а скакать во весь опор на взмыленной лошади. Сегодня мы накрутили почти 700 километров по самому малопосещаемому штату Америки. И поняли, что это игнорирование — совершенно незаслуженное.

Когда за день осматриваешь несколько городов, само путешествие между ними часто отходит на второй план. Не успел переварить впечатление от одного города, как надо готовиться к другому. На этом фоне вроде бы однообразные поля кукурузы и коровьи выгоны отмечаются лишь коротким абзацем в дневнике. Это несправедливо, ведь Американский Хартленд, сердце страны, по которому мы сейчас путешествуем, — прежде всего о сельском хозяйстве. Так регион видит себя сам, так его видят другие.

Уже почти неделю мы наблюдаем плавное изменение сельскохозяйственного ландшафта по пути маршрута. Висконсин запомнился перелесками, болотами, из которых торчали деревянные вышки для наблюдения за птицами, и редкими скальными выступами — привет от последнего оледенения. Намеки на молочную и сырную закваску штата попадались лишь в виде рекламных плакатов, призывающих свернуть на ферму и купить соответствующую продукцию. Молочные стада Молочного пояса спрятаны в просторные коровники: за время, пока мы пересекли штат насквозь, на глаза попала лишь пара дюжин коров.

После Висконсина Центральная Миннесота показалась настоящей житницей. Сочная зелень кукурузных полей, лесополосы, силосные башни и зернохранилища, далекие горизонты. Богатый, упорядоченный и скучноватый пейзаж.

А теперь Северная Дакота. Сотни километров расчлененных оврагами зеленых холмов и пастбищ. Чем дальше на запад, тем меньше полей. В этом году здесь засуха, а потому большин-

⁴ По итогам практики окажется, что большинство студентов посчитали именно Фарго типовым американским городом (из около 30 посещенных). А для многих он стал любимым городом (среднего размера) из тех, что мы посетили.

ство фермеров сделали акцент на животноводстве. Молодая пшеница уже слегка коричневая — зерна она уже не даст, фермеры скормят ее скотине.

Штат лидирует по 12 растениеводческим культурам. Например, по сбору подсолнечника (он часто появляется в символике штата). Но мы не видели ни одного — его выращивают в северных графствах, по границе с Канадой. Там же растят рапс и ячмень. На востоке культивируют кукурузу и сою. По всему штату, но особенно в центре и на западе, — яровую пшеницу: озимая плохо приживается из-за суровых малоснежных зим. А юг концентрируется на мясном животноводстве.

Однако штат живет не только сельским хозяйством. Мы последовательно побывали на плотине ГЭС «Гаррисон» (518 МВт), посетили угольный разрез при ТЭС «Антилоуп Вэлли» (900 МВт). И наконец, познакомились с полями нефтяных качалок — визуальных плодов сланцевой революции, которая сделала Северную Дакоту одним из самых быстроразвивающихся и богатых штатов США.

Особенно впечатлила экскурсия в разрез Freedom Mine по добыче лигнита. Как в дантевский Ад, наш автобус спустился на дно карьера, в царство носимой ветром угольной пыли. Из этого черного облака появился устрашающих размеров бульдозер и, словно огромный консервный нож, двинулся на нас.

Это было настоящее шоу: водитель пускал гигантскую машину в пляс и размахивал стальным ковшом, в котором уместились бы две наши группы, прямо перед стеклом автобуса. Как будто побывали на съемках фильма «Трансформеры».

За всем этим почти забылась краткая остановка в Бисмарке — столице штата. Отчет о городе можно уложить в одно предложение: «Я был в Бисмарке, но там было все закрыто». На его пустых улицах студенты с трудом нашли респондентов для опросов. Главное впечатление — капитолий штата, 19-этажная высотка в стиле ар-деко по прозвищу «Небоскреб Прерий».

Под конец дня все очень устали, но все-таки с энтузиазмом отреагировали на город Амидон — столицу графства Слоуп. С населением в 21 человек это самая маленькая в стране столица графства. Выглядит как захудалая деревенька в Центральной России.

22 июня 2017 г.

Уверен, одним из самых ярких впечатлений от всей практики помимо улиц-каньонов Манхэттена и снежников Скалистых гор станет сегодняшнее посещение маленькой фермы на самой границе Северной и Южной Дакоты. Это была встреча с настоящими американцами, которые и делают свою страну самой успешной в мире.

Это не выставочное хозяйство, куда возят иностранные делегации. Наоборот, это бедная семейная ферма, которая даже не может позволить себе диверсификацию: растениеводства здесь нет совсем. «Вряд ли на окрестных фермах вы увидите такую старую технику, — говорит ее владелица Чэд, — но нам хватает. Вот недавно новую поливочную машину купили. Удобно — детям нравится». Детей у Чэда и его супруги Аманды трое: 12, 10 и 2 года. Старшие всю помогают на ферме и параллельно проходят школьную программу. Аманда учит их на дому.

— А вы сами учите или это онлайн-обучение?

— Пока сама, но в старших классах, конечно, надо переходить на онлайн. Осталось только нормальный Интернет провести.

Аманда постоянно улыбается и бойко, с юмором рассказывает о реалиях фермерской жизни. Размеренного аграрного быта этой сверхэнергичной даме явно недостаточно, и помимо обучения детей на дому она еще открыла мебельную мастерскую. Делает стулья любой сложности и красоты.

Чэд — полная противоположность в этой песне льда и пламени. Он словно изваяние горы Рашмор. Человек-скала: речь неторопливая, движения плавные. За ними чувствуется какая-то первозданная мощь первичного сектора хозяйства. Соль земли.

Говорит Чэд больше не о коровах, а о земле. «Главное — хорошая почва. Будет хорошая почва — будет хорошая трава. Будет хорошая трава — вырастет здоровый скот». Послушать, так Чэд и Аманда буквально помешаны на экологии и правильном откорме скота, словно продвинутые хипстеры из университетского кампуса. Только они рассуждают об этом не за органик-смузи в авторской кофейне. Для них это и жизнь, и доход, и призвание.

«Мы принципиально не кормим скот кукурузой и комбикормами. У нас grass finished beef — скот, вскормленный на траве пастбищ.

— То есть у вас органик-ферма?

— Нет, чтобы получить такую приставку, надо пройти миллион согласований и располагать совсем другими техническими возможностями. Для нас это дорого. Сейчас все гонятся за этим словом: “органик”. И часто путают “органик” и здоровую пищу».

Увы, бизнес есть бизнес. Здоровых коров с фермы Чэда и Аманды покупает фидлот, где животные докармливаются до нужного крупным фирмам-закупщикам веса. И здесь в ход идет уже кукуруза. «Между нами и потребителем несколько посредников — мы не можем гарантировать качество мяса, каким его купят в супермаркете».

«Сельское хозяйство — не место для зарабатывания денег», — улыбается Чэд. Как и сфера образования, это скорее для души.

Северо-запад Южной Дакоты — еще более эрозионный, чем у северного соседа. Постоянно видны следы засоления почвы. Это действительно уже скорее Запад, чем Средний Запад.

Джон Стейнбек в «Путешествии с Чарли в поисках Америки» отметил границу этих двух регионов по реке Миссури в районе Бисмарка, который мы вчера проезжали.

«Вот где должен бы проходить продольный сгиб карты Соединенных Штатов. Вот где Восток вплотную примыкает к Западу. На левом берегу, у Бисмарка, пейзаж, трава, запахи — все, как в восточных штатах. А через реку, у Мэндана, самый настоящий Запад: бурая трава, небольшие обнажения породы в береговых подмывах. Право- и левобережье вполне могли бы отстоять на тысячу миль одно от другого».

Мы такой резкой границы не уловили, скорее ландшафт неотвратимо иссыхал по мере движения на запад. А в этой части Южной Дакоты высох совсем. Фермы стали выглядеть совсем убого, словно на иконической фотографии Артура Ротштейна, ставшей символом Пыльной чаши 1930-х годов.

Тем удивительнее было через пару часов пути увидеть на горизонте зеленые горы. Это были Блэк-Хиллс, которые, в связи с общим центральноазиатским пейзажем, я обозвал Каратюбинском.

Блэк-Хиллс — это уже настоящий Американский Запад, здесь была золотая лихорадка. На ее наследии до сих пор паразитирует крошечный городок Дедвуд, в котором число туристов сильно превышает число жителей.

Дедвуд — «ловушка для туристов», возведенная в абсолют. Сюда приезжают привлеченные эстетикой Дикого Запада и именем Дикого Билла, а получают потемкинскую улицу, где рестораны и сувенирные магазины замаскированы под салуны и аптеки якобы времен золотой лихорадки.

По тротуарам ходят ряженные в ковбойских одеждах, но скорее затем, чтобы заманить туриста в конкретный бар. А по улицам рассекают байкеры — все как один вислоусые и красно-

рожие. Байкерская тема — еще один бренд Дедвуда. А потому в витринах магазинов по центральной улице можно встретить и флаги Конфедерации, и прославляющие Трампа футболки.

На вершине холма расположено кладбище, где похоронен Дикая Билл — одна из легенд Американского Запада. А также схожие персонажи калибром поменьше: Каламити-Джейн, Потейто-Крик-Джонни и т.д. На могиле Дикого Билла лежат четыре игральные карты: два туза и две восьмерки. Они были на руках у Билла в момент фатальной ссоры за карточным столом, а потому такой расклад в Америке теперь называют *Dead man's hand* — «рука мертвеца».

23 июня 2017 г.

Сегодня в нашем маршруте целых три восклицательных знака: гора Рашмор, Национальный парк Бэдлендс и индейская резервация Пайн-Ридж. Не все они, правда, со знаком плюс.

Гора Рашмор — икона Америки. Огромная скала с 20-метровыми барельефами четырех американских президентов — такой же символ страны, как и Статуя Свободы. Этот памятник действительно стоило выдумать именно в Южной Дакоте. Будем честными — это главный и поначалу единственный повод поехать в этот медвежий угол страны. А потом оказывается, что обе Дакоты — штаты с едва ли не самыми красивыми дорожными пейзажами Америки. Так что спасибо горе Рашмор за популяризацию Великих равнин.

Утром солнце падает прямо на каменные лица Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и Теодора Рузвельта. Вблизи хорошо видно, что изначальная задумка была высечь фигуры чуть ли не по пояс. Работы со скрипом шли с 1927 г. А в 1941 г., с началом войны, деньги кончились совсем. Президенты держатся до сих пор.

Снова потянулись расчлененные эрозией степи Южной Дакоты. Ветер, пускающий волны по пастбищам. Разбросанные по зеленому экрану ландшафта битые пиксели коров. И все чаще появляющиеся желтые поля озимой пшеницы.

При пересечении границы графства Пеннингтон на обочине зарябило от самодельных плакатов с топонимом *Wall Drug*. «Посетите *Wall Drug!*», «Кофе всего за 5 центов!», «Ветеранам кофе бесплатно!» У северодакотского самого большого в мире бизона появился достойный конкурент по манере притягивать к себе автопутешественников.

В крошечном городке Уолл («Стена») на 750 человек была типичная для Америки первой половины XX в. *drugstore* — аптека, в которой помимо лекарств продавали газировку и легкие закуски, делая ее предтечей магазинов «7-11». Во второй половине XX в. подобные аптеки позакрывались, а вот в Уолле ее оставили, и в итоге она стала придорожной достопримечательностью. Об этом магазине, который успел разрастись до торгового центра, писал «Тайм» и «Нью-Йорк Таймс». Плакаты, указывающие расстояние до *Wall Drug*, висят по всей стране и даже на других континентах. Сюда ежегодно приезжает до двух миллионов посетителей. По части маркетинга американцам нет равных.

Над нашим автобусом закладывает петлю бомбардировщик В1. Мы тормозим у забора авиабазы Элсуорт — крупнейшего работодателя штата Южная Дакота. При базе работает бесплатный музей авиации, куда мы ненадолго заглянули и прослушали лекцию Руслана Гончарова⁵ об особенностях американского военно-промышленного комплекса в целом и военной авиации в частности.

Отдельная экспозиция в музее посвящена ядерному оружию — в штате полно ракетных шахт и сегодня ждущих приказа. Так что следующий пункт нашего маршрута очень логичен.

5 Р.В. Гончаров — выпускник нашей кафедры, кандидат географических наук, научный сотрудник и доцент ВШУ имени А.А. Высоковского — неизменный участник полевых студенческих практик кафедры с 2009 г.

Национальный парк Бэдлендс, как отметил Кирилл Пузанов⁶, наглядно показывает, во что превратится Земля после ядерного удара.

Бэдлендс не так известен и знаменит, как ключевые парки американского Запада, но он не менее восхитителен с визуальной точки зрения. Здесь и лунные пейзажи. И разноцветные скалы, отливающие то ярко-желтыми, то розовыми слоями. Но главное, что меня впечатлило, это сочетание гор и прерии. С высоты высохших до кости, словно перетащенных из Персидского залива глиняных скал зеленая бесконечность прерии особенно волнует.

Два часа проходят в непрерывных остановках на обзорных площадках и фотографировании как пейзажа, так и друг друга. Студенты впервые оказываются в национальном парке США и приятно поражены не только красотой природы, но и логичностью и развитостью инфраструктуры парка.

Интересно, что Стейнбек не разделил наш восторг от парка Бэдлендс. Не в последнюю очередь как раз потому, что здесь не было ни нормальных дорог, ни инфраструктуры.

«Бэдлендс... заслуживают свое название. Здесь будто набедокурил озорной ребенок. Только падшие ангелы могли бы создать назло небесам такую пустыню сухую, колючую и полную опасностей, а на мой взгляд, и дурных предзнаменований... Я чувствовал себя нежеланным в этих местах, и сейчас у меня у самого нет желания писать о них».

И снова контрастный душ. После Америки победившего экологического сознания XXII в. мы оказываемся в дебрях Центральной Америки. Убогие домишки с полиэтиленом вместо окон и гоняющие на старых велосипедах индейские детишки напоминают небогатые районы Гондураса или Гватемалы.

Мы на территории резервации Пайн-Ридж, восьмой по территории в США и самой бедной в стране. Графство Оглала-Лакота, по которому мы движемся, — самое бедное из 3142 графств страны по душевому доходу. А социальные показатели здесь — на уровне худших уголков западного полушария.

Половина населения живет за чертой бедности. Безработица — 85%. Средняя продолжительность жизни мужчин — 47 лет, женщин — 52 года. Младенческая смертность в 5 раз выше, чем в среднем по стране. Процент самоубийств — в 4 раза.

Индейские резервации США — не концлагерь. В них собственные законы, штат не имеет власти над территорией. Некоторые резервации процветают за счет доходов от игорного бизнеса и туризма. Другие успешны в животноводстве и растениеводстве. Третьи существуют за счет ренты с добычи природных ископаемых на их территории.

Но это не случай резерваций Южной Дакоты — здесь повальная нищета, криминал, алкоголизм и полуторачековое противостояние с правительством. Бойня в местечке Ваундэд-Ни в конце XIX в., столкновения с армией США в 1973 г., объявление о выходе из США и независимости республики Лакота.

Города Кайл, Поркупайн, Уайтклэй встречают ужасающей бедностью: разваленные дома, ржавые автомобили, заколоченные магазины. На границе с Небраской в городке Уайтклэй наш автобус останавливается на заправке. «Я на пять минут. Вам не надо здесь выходить». You don't want to get out here. Если так говорит наш флегматичный водитель Брюс, к этому стоит прислушаться.

⁶ К.А. Пузанов — выпускник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, ученик Л.В. Смирнягина, один из руководителей студенческой практики 2017 г. Кандидат географических наук, доцент ВШУ имени А.А. Высоковского. Неизменный участник полевых студенческих практик кафедры с 2008 г.

Резервация перебирается через границу штата, отгрызая небольшой кусочек Небраски. Но вот возвращаются поля пшеницы и орошаемые зеленые круги кукурузы. Бедные индейские земли остаются позади — наглядный урок сохраняющегося по сей день расового неравенства в социально-экономической сфере.

24 июня 2017 г.

Полевая практика, как и любое путешествие, быстро входит в образ жизни. Через три полевые ночевки в кемпингах все уже точно знают, когда именно надо встать, чтобы не попасть в очередь в душе, сколько времени потребуется на сбор палатки и сколько ложек варенья надо добавить в кашу за завтраком.

Лагерь ежится, просыпаясь после холодной ночи. Дежурные готовят завтрак. Дым от костра дрожит на пробивающихся сквозь высокие тополя солнечных лучах. По дороге, на обочине которой расположился кемпинг, урчат сияющие краской фуры и помятые фермерские пикапы. Великие равнины начинают новый день.

Великие равнины — основная тема нашей нынешней практики. Это очень известная, но малопосещаемая часть страны, ассоциирующаяся с фронтиром, ковбоями, пыльными бурями, торнадо, фермерами-рэднеками и бесконечным пустым пространством. Из всех регионов США Великие равнины в наибольшей степени скорее не *place*, а *space* — в том плане, что *space* можно перевести не только как «пространство», но и «промежуток». В сознании большинства зарубежных туристов, да и многих американцев, Дакоты, Небраска, Канзас — и есть почти 1000-километровый промежуток кукурузно-пшеничных полей и коровьих выгонов между Чикаго и парками Скалистых гор. Между Средним Западом и Западом.

Идентичность Великих равнин — тема отдельного научного исследования. Исторический образ региона тождественен фронтиру и освоению американского Запада. Орегонская Тропа, Пони-Экспресс, гомстеды, Королевство скота, даже парочка золотых лихорадок — все это вехи фронта. В XX в. регион вроде бы отдали в ведение Среднего Запада, но он сюда не до конца вписывается.

Средний Запад — устоявшаяся Америка аграрного рая, где люди твердо стоят на ногах, на своей земле. Живут, опираясь на традиции и не беспокоясь о завтрашнем дне. Но Великие равнины, особенно их западная часть, за сотым меридианом — это рисковое земледелие, засухи, Пыльная чаша 1930-х, постоянная борьба с природой и ожидание очередного сюрприза от Аллеи Торнадо.

По выражению Л.В. Смирнягина, граница между Средним Западом и Западом здесь проведена не пером, но малярной кистью. И гуляет от сезона к сезону, в зависимости от обилия дождей, от сотого меридиана до Скалистых гор. А потому кто-то считает Средним Западом восточные Монтану, Колорадо и Вайоминг, а кто-то не признает таковым обе Дакоты.

Сегодня мы как раз едем через такой район-границу. Западная Небраска (ее еще называют Пенхендл) — слоеный пирог Запада и Среднего Запада. Двадцать километров расчлененного эрозией царства мясного скотоводства — логического продолжения ландшафтов Дакоты. Потом вдруг тридцать километров распаханной равнины, золотой от колосающейся озимой пшеницы и изумрудной от идеально круглых полей кукурузы, по которым, словно гигантские циркули, ползают оросительные установки. А потом вдруг автобус ныряет в песчаные волны безжизненных холмов — это Сэнд-Хиллс, протуберанец непокоренной природы американского Запада.

Сменяют друг друга малонаселенные фермерские графства, объединенные схожей демографической пирамидой: почти никого в возрасте от 18 до 25 лет и повышенные доли возраста до 18 лет, от 45 до 64 лет и старше 64 лет; 97–99% населения — белые. Исчезают выходцы из

Скандинавии, единоличными лидерами становятся тевтонцы. Это архетипичная Америка малых ферм.

В графстве Сиу наблюдаем последствия торнадо, что пронесся здесь совсем недавно, 13 июня. Линии проводов уже восстановили, но оросительные установки на полях перевернуты, крыши с домов и амбаров сорваны, деревья выворочены с корнем. Недаром Великие равнины называют Аллеей Торнадо — вихри имени волшебника изумрудного города гуляют от канадской границы до Северного Техаса.

Проезжаем крошечный город Хемингфорд. Он упоминается во многих произведениях Стивена Кинга («Противостояние», «Дети кукурузы», даже «Оно») как символ Срединной Америки, затерянный где-то в кукурузных рядах Великих равнин.

Этим мне и нравится Америка. Здесь чуть ли не каждому городку есть что сказать и чем похвалиться. Например, городок Альянс приглашает посетить Кархендж — копию английского Стоунхенджа, но из старых машин. Никакой входной платы, даже кофе в информационном центре бесплатный. Расчет совсем на другое: что автопутешественник свернет с дороги, перекусит в городском кафе, купит пару сувениров. Ну и оставит чаевые — американцы весьма щепетильны, когда дело доходит до чаевых.

Следующая остановка не развлекательная, но историческая. Чимни-Рок, «печная труба» — визитная карточка Небраски и один из самых известных символов американского фронта. Мимо этой 90-метровой скалы из песчаника пролегла Орегонская тропа, по которой переселенцы в середине XIX в. двигались в сторону Тихого океана. На относительно плоских Великих равнинах этот перст был однозначным ориентиром, видимым на пути. А потому неизменно отмечался и зарисовывался в дневниках путешественников. Теперь нашел отражение и в дневнике нашей практики.

Местность вокруг Чимни-Рока вопиюще плоская. По расчерченной пшеничными полями равнине неторопливо едут длиннющие поезда, нагруженные вайомингским углем. Мы считаем вагоны, но неизменно сбиваемся: выходит между 120 и 150. Автобус движется навстречу составам. Впереди граница со штатом Вайоминг.

...Леонид Викторович обожал групповые фотографии. За последние пять лет у нас подбралась неплохая коллекция. 2017-й принес новые коллективные снимки: у горы Рашмор, над рекой Миссури, на фоне пейзажей парка Бэдлендс. Взгляд привычно ищет традиционно центрирующую кадр монументальную фигуру с оттопыренным большим пальцем.

Теперь на каждой фото по несколько человек поднимают руки в характерном «дедушкином» приветствии. Жесты, улыбки, позы, атмосфера — все, как и должно быть. Так и сама практика — она продолжается в том самом духе, который Леонид Викторович создавал почти сорок полевых сезонов. И будет продолжаться.

Семен Павлюк